

16. Селиванов, Н.А. Криминалистика : учеб.-метод. пособие / Н.А. Селиванов. М. : Изд-во МНЭПУ, 1996.
17. Спасович, В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович. М. : ЛексЭст, 2001.
18. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин ; 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973.
19. Тертышник, В.М. Доказательства и доказывание в советском уголовном процессе : фондовая лекция / В.М. Тертышник. Харьков : ХИВД, 1992.
20. Фаткуллин, Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976.
21. Фойницкий, М.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / М.Я. Фойницкий. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2.
22. Чельцов-Бебутов, М.А. Курс уголовного-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса рабовладельческих, феодальных и буржуазных государств / М.А. Чельцов-Бебутов. СПб. : Равенна : Альфа, 1995.
23. Шейфер, С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы / С.А. Шейфер. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1986.

О.В. Рожко, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНА, ВЕДУЩЕГО УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Исследуется проблема закрепления в УПК Республики Беларусь оснований возникновения права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс. Рассмотрены отдельные процессуальные действия, ограничивающие права граждан, но не нашедшие свое отражение в законодательстве в качестве указанных оснований. Сделан вывод о необходимости совершенствования нормативного регулирования в данной сфере, предложены изменения в соответствующие статьи УПК.

Право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, является одной из наиболее важных гарантий защиты личности в уголовном процессе. Основания его возникновения закреплены в ст. 460 УПК. Особенностью их юридической регламентации является бланкетный характер норм, отсылающих к гражданскому законодательству. Анализ исследуемых законоположений позволяет систематизировать их в следующие классификационные группы. К первой относятся незаконные действия, обусловленные подозрением или обвинением лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 460 УПК, ч. 1 ст. 939 ГК): незаконное задержание; незаконное применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, подписки о невыезде и надлежащем поведении; незаконное применение меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности; незаконное привлечение в качестве обвиняемого; незаконное помещение в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение; незаконное осуждение; незаконное применение принудительных мер безопасности и лечения. Вторую группу составляют иные незаконные действия, обусловленные властно-принудительным характером деятельности органов уголовного преследования и суда (ч. 2 ст. 460 УПК, ст. 938 ГК). Конкретный перечень этих действий законодатель ни в УПК, ни в ГК не дает. В связи с этим можно предположить, что их круг не ограничен. Вместе с тем они представляют собой общий гражданско-правовой деликт, характеризующийся совокупностью четырех условий, из которых три носят объективный характер и одно – субъективный. Такими условиями являются: вред, противоправность действий, причинная связь между противоправными действиями и наступившим вредом и вина причинителя [3, с. 374]. Следует, однако, отметить, что в этом случае специфика уголовно-процессуальной деятельности остается «размытой», так как данные основания возникновения права на возмещение вреда, причиненного в сфере уголовного процесса, по сути, ничем не отличаются от любой иной правоприменительной деятельности государственных органов и их должностных лиц.

Пожалуй, не вызывает сомнений обоснованность выделения в качестве оснований возникновения рассматриваемого права незаконного осуждения либо незаконного применения принудительных мер безопасности и лечения. Вместе с тем абсолютное большинство реабилитирующих решений принимается на досудебных стадиях. Только в 2007 г. по п. 1, 2 ч. 1 ст. 29 и ч. 2 ст. 250 УПК было прекращено 7324 уголовных дела. Несмотря на это, законодателем использован казуистический подход при определении оснований, влекущих обязанность возместить вред, причиненный в процессе производства по материалам либо в ходе предварительного расследования. Логично предположить, что это

вызвано стремлением обеспечить защиту наиболее важных прав и законных интересов личности, находящихся под охраной Конституции: право на личную свободу и личную неприкосновенность, право на труд и свободу передвижения и т. д. Однако анализ других процессуальных действий, не вошедших в указанный перечень, убеждает в обратном.

Так, существенным ограничением конституционного права собственности является применение такой меры пресечения, как залог. В соответствии со ст. 124 УПК он состоит во внесении самим подозреваемым, обвиняемым или другим физическим лицом в депозит органа предварительного расследования или суда денежных средств для обеспечения явки подозреваемого или обвиняемого по вызову органа уголовного преследования или суда. При этом минимальный размер залога составляет 100 базовых величин, что значительно сказывается на материальном положении лица, в отношении которого она применяется, учитывая возможность обращения внесенной суммы в доход государства в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым принятых на себя обязательств. Справедливо ради следует отметить, что залог является всего лишь временным отчуждением денежных средств и, в случае соблюдения условий применения данной меры пресечения, он подлежит возврату при постановлении приговора или прекращении производства по уголовному делу, в том числе и по реабилитирующим основаниям. Данное положение вполне обосновано и не вызывает каких-либо нареканий. Вместе с тем в правоприменительной практике не исключены случаи незаконного удержания залога без обращения его в доход государства, либо ситуации, в которых судом принимается решение об обращении залога в доход государства при уклонении от явки подозреваемым либо обвиняемым, оказавшихся впоследствии невиновными. Считаем, что вопрос в данном случае должен решаться однозначно: средства, внесенные в качестве залога, вне зависимости от их дальнейшего движения в ходе производства по уголовному делу подлежат возврату залогодателю. В обоснование своей точки зрения полагаем целесообразным исходить из сущности данной меры пресечения. По мнению П.В. Мытника, избрание меры пресечения в виде залога сопровождается, по существу, заключением двустороннего, а в ряде случаев и трехстороннего акта, своеобразного соглашения (договора) между органом, в производстве которого находится уголовное дело, с одной стороны, обвиняемым и залогодателем – с другой. Данный договор считается заключенным, когда между указанными субъектами уголовного судопроизводства достигнуто соглашение по всем существенным пунктам, предусмотренным ст. 124 УПК [8, с. 35]. В этой связи рассматриваемую меру процессуального пресечения можно соотнести, с определенной долей условности, с гражданско-правовым институтом сделок. В соответствии со ст. 169 ГК сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна и не влечет каких-либо юридических последствий. В силу положений ч. 2 ст. 168 ГК при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке. Учитывая, что в случае оправдания лица либо прекращения производства по делу по реабилитирующим основаниям уголовное преследование гражданина признается в целом незаконным, сделка о внесении залога в качестве меры пресечения является ничтожной со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.

Не менее значительным ограничениям подвергается материальное положение лица и при наложении ареста на имущество. В соответствии с ч. 2 ст. 132 УПК данная мера процессуального принуждения заключается в объявлении запрета на распоряжение, а в необходимых случаях и пользование имуществом либо его изъятии и передаче на хранение, что лишает гражданина большинства полномочий собственника, к которым относятся владение, пользование и распоряжение материальными ценностями. При этом арест может налагаться не только на наличное имущество, но и на средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и кредитных учреждениях. Налицо существенное ограничение конституционного принципа неприкосновенности собственности, однако, законодатель оставляет без внимания возможность возмещения понесенного при этом ущерба.

Ограничение конституционного права на невмешательство в личную жизнь и соответственно возможность причинения вреда законным интересам несет в себе и такая мера пресечения, как передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части, которая закреплена в ст. 122 УПК. Суть ее заключается в возложении на командование воинской части, соединения, начальника военного учреждения, где служат или проходят учебные или иные сборы (занятия) подозреваемый или обвиняемый, обязанности по обеспечению их надлежащего поведения. Достигается это путем постоянного наблюдения за указанными лицами со стороны их непосредственных и прямых начальников, запрета увольнения из расположения части или направления на работу, производимую вне части и другими способами [7, с. 246–247], поэтому следует согласиться с И.Л. Петрухиным о том, что «нахождение под постоянным наблюдением начальников и наряда существенно ограничивает право человека на свободу уединения и личную жизнь» [11, с. 247]. Одна-

ко УПК не предусматривает возможность возмещения вреда в случае применения рассмотренной меры пресечения в отношении лица, оказавшегося впоследствии невиновным. Аналогичный подход наблюдается и в отношении такой меры, как привод, который состоит в принудительном доставлении лица в связи с неисполнением им без уважительных причин возложенной на него законом обязанности явиться по вызовам соответствующего органа в назначенный срок [4, с. 48]. При этом оказание противодействия работникам милиции, исполняющим постановление (определение) о приводе предполагает наделение их правом применения физической силы и специальных средств для обеспечения фактического доставления гражданина в орган, ведущий уголовный процесс [2, с. 10].

Рассмотренные процессуальные меры главной своей чертой имеют принудительный характер и ограничение конституционных прав и свобод граждан при их применении очевидно. Вместе с тем способность причинять вред охраняемым законом интересам свойственна следственным действиям [9, с. 4]. Наиболее отчетливо это проявляется при осуществлении освидетельствования, обыска, выемки, наложения ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, их осмотре и выемке, прослушивании и записи переговоров, осмотре жилища и т. д. В других следственных действиях принуждение не столь очевидно, однако им тоже присуще [13, с. 9]. Данный вывод основан на том, что весь уголовный процесс в широком понимании по своей сути является системой принуждения, направленной на решение задач уголовного судопроизводства [5, с. 23]. При этом, по мнению З.З. Зинатуллина, принуждение выражается в физическом, имущественном или моральном воздействии. Оно всегда связано с различного рода правоограничениями личного, материального или имущественного характера (в том числе телесной неприкосновенности, свободы передвижения и выбора занятий, неприкосновенности жилища, тайны переписки и телефонных переговоров, возможности свободно распоряжаться находящимся в правомерном владении имуществом и т. д.), которым подвергается принуждаемый, вследствие чего он имеет неблагоприятные для себя последствия [6, с. 7–8]. Следует признать, что причинение вреда личности в сфере уголовного процесса возможно при производстве любых процессуальных действий. Так, в ходе продолжавшегося более двух лет производства по уголовному делу по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 317 УК, у него было изъято и приобщено к материалам дела в качестве вещественного доказательства водительское удостоверение. Впоследствии А. был оправдан судом в связи с отсутствием в его деянии состава преступления. В одной из многочисленных жалоб на действия органа, ведущего уголовный процесс, А. указал, что изъятием указанного документа ему был причинен вред в виде невозможности использования личного транспорта и несения дополнительных расходов, вызванных необходимостью возить пострадавшую в дорожно-транспортном происшествии жену в больницу на такси или общественном транспорте [1]. Даже простое участие лица в проведении следственных или иных процессуальных действий связано с определенными материальными издержками, которые оно несет в связи с оплатой проезда и проживания, отвлечением от обычных занятий и т. д. Более того, наделение лица статусом подозреваемого или обвиняемого путем вынесения соответствующего постановления уже само по себе ограничивает право гражданина на свободу передвижения, даже если в отношении его не совершалось каких-либо процессуальных действий принудительного характера. В частности, в соответствии с указом президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 г. № 643 «Об упрощении порядка выезда из Республики Беларусь» [10] он не может покинуть пределы государства до прекращения уголовного преследования.

В этой связи полагаем, что возможность причинения вреда правам и законным интересам гражданина нельзя ограничить каким-либо закрытым перечнем процессуальных действий и решений, а ее необходимо отождествлять с уголовным преследованием лица, в отношении которого у органа, ведущего уголовный процесс, имеются основания полагать, что им совершено общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Именно при таком подходе в уголовно-процессуальном законе можно предусмотреть все возможные случаи причинения вреда личности на досудебных стадиях уголовного процесса. Следует отметить, что по аналогичному пути пошли законодатели ряда стран ближнего зарубежья. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 133 УПК РФ вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Тем самым российский законодатель не ставит возникновение рассматриваемого права в зависимость от применения мер процессуального воздействия и значительно расширяет возможности защиты интересов лица, несправедливо подвергнутого уголовному преследованию. Как верно было замечено российскими учеными, основанием возникновения права на реабилитацию является незаконное и необоснованное осуществление уголовного преследования [12, с. 15]. Однако стоит обратить внимание, что круг оснований возникно-

вения права на возмещение вреда не должен ограничиваться только уголовным преследованием. Незаконное осуждение лица либо применение к нему принудительных мер безопасности и лечения составляют самостоятельные предпосылки надления его компенсационно-восстановительными полномочиями. Это обусловлено прежде всего различной юридической природой уголовного преследования, осуждения и применения принудительных мер безопасности и лечения.

Подводя итог проведенного анализа, следует признать, что закрепление в уголовно-процессуальном законе ограничительного перечня процессуальных действий в качестве оснований возникновения права на возмещение вреда, причиненного на досудебных этапах уголовного процесса, не обеспечивает максимальной защиты несправедливо пострадавшего гражданина и не соответствует принципу полного возмещения вреда. По нашему мнению, следует отказаться от такого подхода и в качестве единого основания возникновения исследуемого права на рассматриваемых стадиях указать незаконное уголовное преследование. Им охватывается вся совокупность процессуальных действий и решений, способных причинять вред правам и законным интересам личности. В связи с этим нуждаются в корректировке положения ст. 460 УПК. Очевидно, что расширение процессуальных предпосылок возникновения указанного права может повлечь увеличение расходов бюджета. Однако в ответ на скептический довод относительно экономической целесообразности предложенных нормативных изменений следует заметить, что в результате судебной ошибки авторитету правоохранительной системы наносится ущерб несоизмеримо выше тех затрат, которые необходимы для восстановления нарушенного правового статуса гражданина. Защита личности – конституционная обязанность государства, выполнение которой в максимальной степени призван обеспечить уголовно-процессуальный закон.

Библиографические ссылки

1. Архив суда Гродненского района за 2007 г. Уголовное дело № 1–9 / 2007.
2. Булатов, Б.Б. Правовое регулирование в УПК РФ привода участников уголовного процесса / Б.Б. Булатов // Рос. следователь. 2002. № 10.
3. Гражданское право : учебник : в 2 т. / В.В. Витрянский [и др.] ; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. Т. 2. Полутом 2.
4. Гридюшко, П.В. Теория и практика применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П.В. Гридюшко. Минск, 2004.
5. Ефимичев, С.П. Уголовно-процессуальное принуждение и место мер пресечения в решении задач предварительного расследования / С.П. Ефимичев // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования : сб. науч. тр. / Высш. следств. шк. МВД СССР ; под ред. С.П. Ефимичева. Волгоград, 1987.
6. Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность: Вопросы теории и практики / З.З. Зинатуллин. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981.
7. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л.И. Кукреш. Минск : Тесей, 2005.
8. Мытник, П.В. Залог как мера пресечения / П.В. Мытник // Юстыцыя Беларусі. 2001. № 3. С. 34–36.
9. Он же. Следственные действия : учеб. пособие / П.В. Мытник. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005.
10. Об упрощении порядка выезда из Республики Беларусь : указ президента Респ. Беларусь, 17 дек. 2007 г., № 643 // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2008.
11. Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. М. : Наука, 1989.
12. Химичева, О. Реабилитация в уголовном судопроизводстве / О. Химичева // Законность. 2003. № 9.
13. Шейфер, С.А. Принуждение в следственных действиях / С.А. Шейфер // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования : сб. науч. тр. / Высш. следств. шк. МВД СССР ; под ред. С.П. Ефимичева. Волгоград, 1987.

С.В. Рыбак, преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук

О ПРЕДЕЛЬНОМ СРОКЕ ДЕЙСТВИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЕДИНЫ

Исследуется вопрос о необходимости регламентации в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК) десятисуточного ограничения в применении меры пресечения в отношении подозреваемого. Изучению подвергнуты точки